А. Ф. Рогалев

ИСТОРИЧЕСКАЯ АНТРОПОНИМИЯ *Гомеля* И ОКРЕСТНОСТЕЙ

Гомель
Барк
2009

Оглавление

Введение 4

1. Языческие и христианские имена..... 11

2. Патронимы. Матронимы. Два отчества. Дедичество. Отчества и полуотчества. Первые фамильные «прозвания»... 45

3. Именование жителей Гомеля и его окрестностей в XVI веке..... 49

4. Типология фамилий 62

5. Именование жителей Гомеля и окрестных сел в XVII–XVIII веках..... 71

6. Этимологический словарь фамильных прозваний крестьян-дворовладельцев в королевских гомельских селах и дворовладельцев города Гомеля XVII века..... 81

7. Этимологический словарь фамилий жителей Гомеля и окрестных населенных пунктов XVIII века 117

8. «Что в имени тебе моем?» (вместо заключения) 132

Список использованных источников 137

Приложение
Рогволод и Рогнеда: имя и личность..... 144

В пустой и бесцельной толчее, которую мы все называем жизнью, есть только одно истинное, безотносительное счастье: удовлетворение работника, когда он, погруженный в свой труд, забывает все мелочи жизни и потом, окончив его, может сказать себе с гордостью: да, сегодня я создал благое.

В. М. Гаршин (рассказ «Надежда Николаевна»)

Введение

Имена и фамилии – важные элементы общего языкового и культурно-исторического наследия народа. Кроме своей основной функции – идентификации личности, выделения человека из определенной социальной и этнической среды, они выполняют и культурно-историческую функцию, являясь фактически энциклопедией истории, быта народа и его образа мышления.

В восточнославянской антропонимии особым своеобразием отличаются фамилии. Каждая фамилия – это наследственное имя семьи, устойчивое не менее как в трех поколениях; иначе – наследуемое официальное именование, указывающее на принадлежность человека к определенной семье. Есть и такое образное определение фамилии – «флаг семьи». Узоры этих «семейных флагов» могут быть очень затейливыми и любопытными.

В наших фамилиях слышны голоса предков. Фамилии указывают на истоки семьи, рода, на внешние и внутренние черты, занятия и происхождение прародителей, их положение в обществе, изначальное место жительства.

Отечественный фамильный фонд очень богат и разнообразен, что обусловлено исторически. Фамилии как элемент именования людей у нас формировались постепенно с позднего древнерусского (древневосточнославянского) времени, но назывались они вплоть до XVIII века не фамилиями, а *прозвищами* и *прозваниями*.

В XIV–XVI веках происходило образование княжеских и боярских фамилий, восходящих к родовым прозваниям. В XVI–XVII веках формировались дворянские, шляхетские и купеческие фамильные прозвания.

В XVII–XVIII веках фамилии появились у городских мещан и зажиточных крестьян. Так было в указанное время и в Гомеле и его окрестностях. С конца XVII века, но преимущественно в XVIII–XIX веках фамилии получали представители православного духовенства, а в XIX веке – основная масса крестьян, а также слуги и солдаты.

В отдаленных провинциях, на окраинах (например, в белорусском Полесье) офамиливание жителей тех или иных деревень происходило даже в советское время, в период образования колхозов. Крестьяне в массе своей в прежние времена постоянно проживали в одной и той же деревне, никуда не выезжали и не нуждались в особом официальном именовании. Им вполне хватало личного имени и уличного прозвища, которое в дальнейшем нередко и становилось настоящей фамилией.

В разных деревнях очень часто распространена какая-то одна фамилия (иногда – две или три). Причины подобного явления скрыты во времени, кроме того, они разнообразны и специфичны в каждом данном случае. Так, селения, обособленные от остальных в силу определенных социальных условий (например, их основатели – крестьяне, бежавшие от феодального гнета или от преследований за «старую, истинную веру», от службы в царской армии и т. п.), были населены жителями, состоявшими между собой в родственных отношениях.

Наиболее старые деревни часто разрастались из потомков одной (реже – двух, трех) семейных общин. Группа переселенцев, которая основывала поселение, получала общее, коллективное прозвище от новых соседей. На его основе в дальнейшем образовывалась одинаковая фамилия, тем более, если коллективное прозвище закреплялось в названии деревни.

Те же переселенцы имели предводителя, имя или прозвище которого отображалось в названии поселения. Рудименты архаического мышления предопределяли осознание того, что селение, получая имя своего основателя, как бы обретает и жизненную силу, заключенную в имени. На основе этого ставшего сакральным имени-названия и образовывались одинаковые фамилии выходцев из того или иного населенного пункта.

Сакрализация старейшины, первопоселенца, легендарного основателя поселения была возможна и при отсутствии миграций, переселений. В таких случаях культ имени, становившегося основой для будущей фамилии, был связан с давней традицией сельской общины и восходил к тому времени, когда личность еще не выделилась из коллектива и предок персонифицировал собой данный коллектив.

В архаических преданиях сельской общины каждый коренной житель деревни соотносился с ее основателем, родоначальником, старейшиной всех следующих поколений.

Идея кровнородственной общности, проходящая красной нитью в преданиях о предке-родоначальнике, первопоселенце, основателе деревни, реализуется в масштабах данного населенного пункта, в частности, в одинаковых фамилиях коренных жителей.

В более широких масштабах легендарный прародитель предстает как организатор, предводитель, старейшина единения более высокого уровня – межплеменного объединения, этнографической группы, целого этноса. С таким осмыслением легендарного образа вождя связана очень давняя традиция именования любого вождя вообще «отцом», «батюшкой», «батькой» (вспомним хорошо знакомое с детства фольклорное выражение «*царь-батюшка*»).

Становлению одинаковых фамилий в той или иной деревне способствовало, кроме всего прочего, и то, что парни, даже если они и брали замуж девушек из других сел, как правило, оставались дома, в своей деревне, «множили» затем фамилию посредством сыновей.

Начальные этапы формирования фамилий (до конца XVIII века) характеризуются наличием многочисленных варьированных форм фамильных прозваний. Одно и то же лицо в списках городов могло быть записано, например, как *Бочаров* и *Бочарников*, *Дробушевский* и *Дробышевский*, *Филиппенко* и *Филипенко*, *Крохмальник* и *Крахмальник*, *Сафонов* и *Софонов*, *Алуферов* и *Алферов*, *Акинфеев*, *Акинфов* и *Окинфов*, *Семёнов* и *Симеонов*. Если эти и подобные им фонетико-морфологические и орфографические варианты фамильных прозваний относились к разным лицам, они закреплялись как самостоятельные фамилии.

Следует помнить, что в современном языке вариантов фамилий, в отличие от вариантов личных имен (*Андрей – Андрейка – Андрюша – Андрюха* и т. п.), нет вообще. Даже такие фамилии, как *Катков* и *Котков*, *Огоренко* и *Огаренко*, которые исторически являют-

ся одним и тем же языковым фактом, с юридической точки зрения считаются разными фамилиями.

Прежде чем объяснять современные фамилии, нужно обязательно обратиться к их истории. Ни одна из существующих фамилий не образовалась на основе нарицательного слова. Любой фамилии предшествовало имя собственное – личное имя предка, прозвище, та или иная форма отчества, географическое название. Чтобы понять конкретную фамилию, необходимо знать фамильную типологию, закономерности структуры фамилий и способы их образования. Фамилию нельзя объяснить, видя в ней только корень.

Впрочем, даже корневую часть фамилии во многих случаях найти непросто. Так, немало фамилий образовалось от просторечных и диалектных форм христианских личных имен. Сложность в данном случае заключается в соотнесении неофициальной формы христианского имени с полной официальной (канонической) формой. Кто сразу и безошибочно определит, что *Самусь* – это *Самуил*, *Вахруша* – *Варфоломей*, *Кснята*, *Снята* – *Константин*, *Калина* – *Каллиник*, а *Фесь* – *Федосий* (*Феодосий*) или *Фест* (*Феост*)?

Чтобы объяснять конкретные фамилии, надо знать, как и на основе какого языкового материала шло образование фамилий. Необходимо также исследовать предысторию фамилий.

Первоначальная формула именования лица была одночленной. В дохристианский период люди имели только личное имя, данное родителями, которое в процессе социализации человека (при вхождении его в общество) могло заменяться прозвищем, данным социумом. Прозвище превращалось в личное имя, известное всем, то есть в явный идентификационный знак.

Кроме явного имени, у человека языческой эпохи могло быть тайное имя, которое знали только самые близкие люди. Наличие двух имен – явного и тайного – не меняло формулы именования лица. На протяжении многих веков она оставалась одночленной, потому что состояла исключительно из личного имени (прозвища).

По мере развития общественно-политической и экономической жизни и усложнения социальной структуры общества, главным образом после принятия христианства, стало недостаточным называть человека только одним именем. К личному имени стали прибавлять определение, указывавшее на родственные связи с главой семьи, рода. У людей, таким образом, появилось именование по

отцу, реже – по матери. Формула именования лица стала двучленной, потому что состояла уже из двух словесных фактов.

Одним именем до конца XVII – начала XVIII веков продолжали именоваться, главным образом, служители религиозных культов. Только по имени назывались и крепостные крестьяне, однако это не было общим правилом и касалось преимущественно крестьян Московского государства.

На индивидуально-дифференцирующую функцию обозначения людей неизбежно наслаивалась социально-дифференцирующая функция. Привилегированные сословия стремились внести в формулу именования такие элементы, которые бы отличали именитых людей от представителей других сословий. Поэтому те же отчества стали употребляться в двух разновидностях – в форме полного отчества и полуотчества (см. об этом подробнее во втором разделе книги).

В восточнославянской антропонимической системе в целом постепенное усложнение формулы именования лица нередко приводило к появлению пяти дифференцирующих компонентов. Помимо личного имени использовались прозвище и указание на отца (мать), а также ссылки на происхождение, место рождения, постоянное место жительства или место земельного владения, на род занятий или социальное положение.

Так, в документах XVII века находим следующие именования лиц мужского пола: *москвитин Истомка Феофанов сын, прозвище Лабза*; *трубник Микита Григорьев сын Новосильцев*; *Исай Осипов судописец*.

Женские формулы официальных именований были таковы: *Семёновская жена Романова сына Смирнова вдова Настасья Алексеевна дочь*; *старица Пелагея Иванова дочь*; *Катерина Петрова дочь Андреевская жена Юрьева*; *Семёна Терентьева сына Баранова вдова Мавра Семёнова дочь* (примеры взяты из книги В. К. Чичагова «Из истории русских имен, отчеств и фамилий»).

Сложные именные формулы, однако, были характерны больше для антропонимии Русско-Московского государства, чем для Великого княжества Литовского. По крайней мере, в документах XVI–XVII веков, относящихся к Гомейской волости, а затем Гомельскому старостве, указываются преимущественно двучленные антропонимические формулы (см. далее разделы третий и пятый). Впрочем, иногда встречались и более сложные по структуре именования лиц.

Так, среди крестьян-дворовладельцев села Бобовичи Гомельского старостава в 1681 году указывался Гришко Андреев бобровник. Здесь *бобровник* – «тот, кто разводит бобров» или «смотритель мест, где водятся бобры». Среди жителей Гомеля был коваль Дрозд, то есть реальный кузнец. Если указание на профессию в формуле именования лица, отображенной в письменных памятниках, подавалось со строчной буквы, то оно являлось своего рода «паспортными данными» человека, дополнявшими его именование.

Обозначения занятий или места происхождения и жительства могли даваться и с прописной буквы (например, в том же документе применительно к крестьянам Юрковичской слободы – *Алуфер Коваль*, *Фёдор Москаль* или жителям Гомеля – *Ничипор Пушкарь*, *Абакун Резник*, *Максим Котляр*, *Семён Кричевец*, *Яхим Швец*, *Пархом Беднар*, *Мокей Мельник*). Это были уже не только и не столько «паспортные данные», сколько собственно прозвища или даже фамильные прозвания.

Собственно прозвища, превращаясь в фамильные прозвания, переставали непосредственно характеризовать человека в том или ином отношении. Так, в нашем примере Алуфер Коваль не обязательно был кузнецом, Абакун Резник – мясником, а Пархом Беднар – ремесленником-бочкарем, мастером по изготовлению бочек. Написание в документе *Гришко Андреев бобровник* не означало, что этот человек получил затем прозвище *Бобровник*, которое впоследствии стало фамильным прозванием. Во многих случаях строгой границы между прозвищами и так называемыми «паспортными данными», по всей видимости, не было.

Возникновение фамилий способствовало постепенному превращению официального личного идентификационного знака в трехчленный (*личное имя* + *отчество* + *фамилия*). Однако даже в XIX веке не было всеобщей и единой формулы именования лица. Количество основных компонентов в развернутой формуле колебалось от двух до трех в зависимости от социального положения именуемого. Кроме того, очень долго в официальной формуле именования лица использовался вспомогательный компонент – слово *сын* или *дочь*.

Эти слова сначала относились к отчеству и до XV века ставились непосредственно перед отчеством (*Девятко сын Астафьев*), а в дальнейшем писались уже после отчества (*Варлаам Михалёв сын*). Такая закономерность соблюдалась и после появления фамильных прозваний (*Гаврило Петров сын Ушаков*). В XIX веке

слово *сын* (*дочь*) стало относиться к фамилии (*Гаврило Петров сын Ушаков*), а со второй половины XIX века обычно опускалось.

Только в советское время формулы развернутых официальных именований мужчин и женщин получили одинаковую трехчленную структуру.

В этой книге читатель узнает о том, как именовались люди в разные времена, начиная с самой глубокой древности. Мы расскажем о языческих именах, затем перейдем к сменившим их христианским именам и узнаем о том, что они также когда-то были языческими. Надеемся, читателей заинтересует список наиболее частотных в наши дни личных мужских и женских имен с указанием их этимологического значения.

Имеющиеся в нашем распоряжении материалы позволяют представить специфику именования жителей Гомеля и гомельских сел в XVI–XVIII веках. С опорой на реальные антропонимические факты подробно рассматривается начало формирования восточнославянского фамильного фонда.

В заключительном разделе книги можно найти авторский взгляд на то, стоит ли видеть в имени отображение характера и даже судьбы человека.

Наконец, мы сочли возможным включить в книгу в качестве приложения рассказ о содержательной стороне имен полоцких правителей X века Рогволода и Рогнеды. Этот материал логично дополняет наши разработки по типологии имен древнерусского времени (см. первый раздел) и позволяет читателям получить нешаблонное представление об известных исторических личностях.

Считаем также необходимым пояснить, что этимологическое значение фамилии не имеет отношения к ее современным носителям. Наши фамилии – это только идентификационные знаки с редуцированной семантикой, приемлемые в силу традиции. Живой их смысл был актуален только в момент появления фамилии и применительно к самому первому ее носителю. Фамилия характеризовала в том или ином отношении ее родоначальника, а при переносе на его детей и тем более внуков исконное значение фамилии сначала затемнялось, а затем и забывалось.